

УДК 330.34

ПЕРСПЕКТИВЫ РАЗВИТИЯ СЕТЕВОЙ ЭКОНОМИКИ В СОВРЕМЕННЫХ МАКРОЭКОНОМИЧЕСКИХ СИСТЕМАХ

© 2005 И. К. Харрамов

Российская академия государственной службы при Президенте РФ, г. Москва

Дается анализ перспектив развития сетевой экономики в условиях перехода в новую форму экономической деятельности, которая базируется на глобальной электронной среде, созданной информационным обществом, с преобладанием в качестве важнейших элементов производительных сил знаний и информации.

Информационное общество в новом тысячелетии становится объективной реальностью и расширяет свои границы. В информационном обществе уровень жизни населения, структура его занятости в рабочее и свободное время, система образования, рынки труда, товаров и финансов, система управления и принятия решений существенным образом зависят от теоретических знаний, информации, технологических инноваций, развития глобальных информационных и коммуникационных технологий. Здесь уместно вспомнить известное утверждение о том, что экономические эпохи различаются не тем, что производится, а тем, как производится, какими средствами производства и каким трудом. Источником современного труда является высокообразованный человек, осуществляющий свою деятельность на базе знаний, интеллекта, культуры и духовности, воплощенных в инновационных технологиях, товарах и отношениях, использующий и потребляющий в процессе своей жизнедеятельности всегда ограниченные ресурсы.

Новый этап в исследовании социально-экономических и политических особенностей современного этапа информационного общества связан с работами Мануэля Кастельса, который в качестве отправной точки своих построений использует глобальную экономику и международные финансовые рынки как основные признаки формирующегося нового миропорядка. В своей трилогии «Информационная эра: Экономика, общество и культура» («Становление общества сетевых структур» [1], «Могущество идентичнос-

ти» [2] и «Конец тысячелетия» [3].) Кастельс осуществляет развернутый анализ современных тенденций, приводящих к формированию основ общества, которое он называет «сетевым» или «информационным». Исходя из постулата, что информация по своей природе является таким ресурсом, который легче других проникает через всяческие преграды и границы, он рассматривает информационную эру как эпоху глобализации. При этом сетевые структуры являются одновременно и средством, и результатом глобализации общества. «Именно сети, - пишет Кастельс, - составляют новую социальную морфологию наших обществ». Распространение «сетевой» логики в значительной мере сказывается на ходе и результате процессов, связанных с производством, повседневной жизнью, культурой и властью. Таким образом, власть структуры оказывается сильнее структуры власти, а принадлежность к той или иной сети, наряду с динамикой развития одних сетей по отношению к другим, выступает в качестве важнейшего источника власти.

Тенденции глобальных преобразований существенно меняют и политические процессы. Политические деятели становятся зависимыми от языка средств массовой информации, имеющих под собой электронную основу, и приводят к далеко идущим последствиям для характеристик, организации и целей политических процессов, политических деятелей и политических институтов.

В условиях глобализации рынков и капиталов постепенно изменяется роль национального государства, которое из-за развития

транснациональных корпораций лишается реальных финансово-экономических рычагов управления. Существенно меняются и сами люди. При виртуальной, сетевой экономике формируется человек, ничем местным не интересующийся, бесчувственный к территориальным связям, к зову почвы, ландшафта, культурных традиций. Территории при этом выступают всего лишь как источник ресурсов и "пустое" пространство, которое подлечит расчистке под глобальные интересы. Все это и сформировало особых кочевников технической цивилизации, лишенных территориальной культурной идентичности, которые спокойно меняют свое место жительства на зарубежные квартиры, не сожалея о покинутой родине.

Институты и организации гражданского общества, которые строились вокруг демократического государства и социального контракта между трудом и капиталом, постепенно теряют свое значение в реальной жизни людей. Причиной этого стала потеря структурами гражданского общества легитимной идентичности. Таким образом, основным противоречием формирующегося нового общества, основанного на сетевых структурах, является противоречие между глобализацией мира и идентичностью конкретного сообщества.

Наряду с государством, глобальными сетями и индивидуумами существуют религиозные, национальные, территориальные, женские сообщества и экологические движения, которые объединились вокруг идентичности сопротивления. Это сопротивление направлено против основной тенденции развития современного общества - глобализации. Возможно предположить, что в перспективе часть этих сообществ от сопротивления сможет перейти к идентичности, устремленной в будущее, и тем самым будет способна создать нечто подобное новому гражданскому обществу и новому государству, ориентированному на интересы собственного народа.

С развитием сетевых структур отношения власти также трансформируются - основное изменение связано с кризисом национального государства как суверенной едини-

цы и кризисом той формы политической демократии, что создавалась в течение последних двух веков. Глобализация, а также децентрализация властных полномочий и переход их к региональным и локальным правительствам создают новую геометрию власти в рамках новой формы государства - сетевое государство.

Таким образом, расширение границ и увеличение масштабов информационного общества - это сложный и многогранный процесс, затрагивающий не только сферу политических, технологических, социальных, культурных отношений, но, прежде всего, финансовых и экономических, причем в глобальном, планетарном масштабе.

Традиционная, осязаемая сетевая экономика переходит в новую, непривычную и нестандартную форму неосязаемой экономической деятельности, которая базируется на глобальной электронной среде, созданной информационным обществом, с преобладанием в качестве важнейших элементов производительных сил, знаний и информации. Зачастую в этой экономике товаром становятся знания, а производством - производство новых, интеллектуалоемких решений. В такой экономике создаются новые, намного более благоприятные возможности для глобализации рынков финансов, труда и капитала. В силу мобильности главных ресурсов, интеллекта и финансов, они быстро перетекают в эпицентры мировой экономики, меняя ее конфигурацию и всю сущностную основу. Данные процессы усиливаются ростом доли спонсорского капитала в сетевой экономике, многократно увеличивая объемы глобальных финансовых ресурсов и потенциальную возможность их влияния на судьбы человечества. С учетом того, что национальные экономики всех стран мирового сообщества становятся все более взаимосвязанными и взаимозависимыми, это создает для них серьезные и далеко идущие последствия, способные коренным образом изменять их базовые основания жизнедеятельности и развития. Сбережения населения и инвестиции, банки, пенсионные фонды и страховые компании, фондовые и валютные биржи разных стран, их национальные экономики становят-

ся все более взаимосвязанными и взаимозависимыми.

Сетевые принципы организации экономической системы позволяют максимально оперативно занимать деньги под самые низкие проценты, вкладывать их туда, где с минимальными рисками и издержками можно получить наиболее высокую добавленную стоимость продукции, услуг и капитала. Сетевые структуры становятся более выгодными заемщиками на внутренних и внешних рынках капитала, реально повышая свою конкурентоспособность и инвестиционную привлекательность путем регулирования кредитных рисков.

До сих пор считалось, что основными секторами сетевой экономики становятся производства товаров и услуг во взаимодействии с мировыми рынками капитала. Оба сектора стремятся обеспечить высокую добавленную стоимость производимых товаров и услуг, финансовых вложений за счет расширения своей сети и вписывания ее на максимально выгодных условиях в глобальные сети. По сути, предполагалось, что свободный рынок в глобальном и местном масштабе - это гигантский резервуар, который вначале всасывает капиталы отовсюду, а затем столь же автоматически отдает их реальной экономике, производящей товары и услуги. Однако практика развития процессов финансовой глобализации показывает несколько иные тенденции и результаты их проявления. С тех пор как всасывающая система, освободившись от всяких препятствий со стороны государственного и прочего контроля, стала собирать невиданную массу капиталов, она почему-то медлит с их отдачей в виде реальных инвестиций. Лишенный надлежащего социального контроля и присмотра капитал теперь работает как система с односторонним движением: получает, но не отдает. Все те капиталы, которые гигантская финансовая система высосала из реальной экономики, она, вместо того чтобы по другим каналам возвращать ей, переориентировала на спекулятивные игры. Только мизерная часть банковского капитала работает на реальное производство. Большая часть остается циркулировать в сфере краткосрочных спекулятивных

сделок. Финансовый капитал, освободившись от национальной привязки, одновременно освободился и от привязки к реальной продуктивной экономике, делая серьезный крен в спекулятивную сферу и сферу дематериализации экономики. Вместо того, чтобы расходоваться на производственные инвестиции, он мигрирует из страны в страну, из региона в регион в поисках наиболее высокой нормы процента и других спекулятивных возможностей.

Национальный капитал, ограниченный цензом оседлости и нуждающийся в мерах протекционистской защиты, представлен мировой периферией, оказавшейся полностью беззащитной. Спекулятивный же финансовый капитал в глобальном мире имеет мощную защиту. Единое мировое финансовое пространство, имеющее в качестве привилегированной валюты доллар, свобода размещения спекулятивного финансового капитала в любой точке земного шара для отсасывания местных ресурсов и их концентрации в центре - все это крайне выгодно США, занявшим вершину глобальной финансовой пирамиды. На этой основе строится альянс между местными финансовыми спекулятивными элитами и единственной сверхдержавой. Чем большее подозрение вызывает деятельность этих элит в странах, где они успели раскрыть свое истинное лицо, тем выше их готовность ослаблять и разрушать местные национальные суверенитеты. В свою очередь, единственная держава спешит воспользоваться услугами своей пятой колонны, понимая, что столь благоприятная политическая конъюнктура, вызванная создавшимся вакуумом силы и растерянностью тех, кого подвела старая социалистическая вера, вряд ли может сохраняться долго. Следовательно, надо успеть выжать максимум возможного из современной ситуации.

Для того, чтобы найти выход из сложившейся ситуации, необходимо обратиться к сущностным основаниям свободной сетевой экономики с так называемыми равноправными связями участников. К слову сказать, авторы концепции равноправности почему-то исключают из этого списка само государство, видимо, не считая его важным участником

сетевых отношений. В их понимании настоящий рынок сетевой экономики - это стохастическая, не контролируемая из какого-либо центра и не регулируемая система, где множество независимых производителей конкурируют перед лицом независимого потребителя, являющегося единственной инстанцией, наделенной правом поощрять и наказывать. Однако западный капитализм стал утрачивать эти черты уже в последней трети XIX века вместе с появлением крупных корпораций, тяготеющих к монополизму, к контролю над рынком и над самим потребителем.

Вся западная новейшая сетевая экономика спроса построена на альянсе капитализма и присущего ему капитала с элитой общества, которая формирует в электронном и реальном пространстве образы нового мира, воплощаемые в товарах, услугах и способах жизнедеятельности. В итоге, в историческом и социокультурном отношении формируются и поляризуются два мира с присущими им рынками и социокультурной атрибутикой. Это классический рынок, основанный на союзе классического производителя с традиционным потребителем, функционирующий в рамках социокультурного комплекса, базирующегося на старинном трудолюбии, прилежании и ответственности. Потребитель на этом рынке осуществляет покупки, рассчитанные на естественные запросы, при этом ведет себя весьма осмотрительно, ограничивая при необходимости собственные расходы. От товара требуется не внешний блеск и символы престижности, а высокое качество, ясность, практичность функций и длительность сроков службы.

Во втором случае мы сталкиваемся с постмодернистским рынком, где большая часть усилий производителя товаров тратится на то, чтобы распознать "комплексы" потребителя и сыграть на них, используя в процессе создания и реализации товаров приемы искусительного лукавства, нацеленные на знаки престижной современности. Эта лукавая психоаналитика рынка предполагает скрытую от общества стратегическую смысловую перестройку в рядах производителя и обслуживающей инфраструктуры, особенно

ее финансовой и инновационной составляющих.

В отношении современной, виртуальной, сетевой экономики, созданной гигантскими корпорациями и связанной с ними богемной субкультурой во многом искусственных потребностей и искусственного спроса, существует подозрение в паразитарности. Она существует за счет реальной продуктивной экономики до тех пор, пока потенциал последней не будет до конца растрочен.

Таким образом, существуют объективные основания для возникновения противостояния между реальным и виртуальным экономическим, цивилизационным развитием, естественным и искусственным. Это противостояние в рамках предпринимательского класса может оформиться как столкновение производителей реальной производственной прибыли с представителями спекулятивно альянса - финансовых игроков и создателями манипулятивной "интеллектуальной ренты". Экологическая и научно-техническая революции современности заново реабилитируют натуральный продукт. Новый научно-технический опыт засвидетельствовал принципиальные преимущества натурального сырья перед синтетическим и невозможность его полноценной замены искусственным. Природные продукты, в которых воплощена бесконечная сложность и в ряде случаев бесконечная длительность естественных процессов, не могут быть полноценно продублированы процессами, организованными человеком, его возможностями, в которых воплощена пространственно-временная ограниченность и одномерность конъюнктурного технологического замысла.

Точно также новая экологическая экспертиза, вносящая свой вклад в формирование современности и ее деспотических критериев, в свою очередь свидетельствует о преимуществе натуральных продуктов, наделенных соответствующими потребительскими свойствами. Элитарный спрос отличается от массового спроса тем, что он ориентирован на экологические показатели.

Если иметь в виду исторические процессы, то в этом плане потребителю лучше всего угодил бы добросовестный мелкий

предприниматель и ремесленник, работающие не на анонимный массовый рынок, а на конкретного человека, доверие которого выше конъюнктурных выгод. Один из шансов малого и среднего предпринимательства - диверсификация спроса, приведшего к замене массового конвейерного рынка множеством индивидуализированных рынков - экономических субкультур. Второй шанс представляет сама современная научно-техническая революция, создавшая новую технику малых форм. Большинство современных высоких наукоемких технологий представляют технику малых форм, доступную для малого бизнеса.

Мелкие фирмы, способные работать на таких рынках, не только доказали свою живучесть, но и обнаружили ряд преимуществ перед крупными по таким современным показателям, как наукоемкость, рентабельность, экологичность. Да и честь открытия качественно новых рынков, а значит и новых общественных потребностей, сегодня чаще всего принадлежит малым производственным формам, так как всякая новая потребность прежде чем стать массовой переживает известный период времени в качестве рискованной, относящейся к малым экономическим субкультурам.

Если иметь в виду некоторые объективные экономические, научно-технические и социальные предпосылки возможной реабилитации производства, живущего натурфилософскими идеями, касающимися естественной основы изделий как гарантии их качества, естественной мотивации работника, желающего реализовать себя в труде как неповторимая индивидуальность, а не быть безгласным придатком гигантских технических агломератов, то эти предпосылки имеются.

Но этому реваншу здоровых естественных форм развития экономики, стремящихся вырваться из плена нездоровой искусственности, мешает другой, весьма могущественный альянс. Среда финансовых спекулянтов, заинтересованных в дальнейшей дематериализации экономики, - только часть этого альянса. В него также входит многочисленная богема, живущая на реальную ренту от развития виртуальной, сетевой экономики.

Сегодня мы наблюдаем явную перегруппировку сил. Крупная «номенклатурная» буржуазия, связанная с властными структурами и пользующаяся всякого рода привилегиями монополизма, постепенно впитала в себя дух богемы и научилась находить общий язык с «культурным» авангардом. Вместе с ним она стала третировать архаичную среду мелких предпринимателей и хозяйчиков, могущих рассчитывать только на свои силы и на верного потребителя, умеющего ценить их добротные изделия и услуги.

С высоты номенклатурно-монополистических возможностей, когда получение одного привилегированного государственного, в частности, военно-промышленного заказа способно обеспечить многомиллиардную прибыль, муравьиная работа мелкого предпринимателя стала выглядеть жалким анахронизмом.

Виртуальная сетевая экономика, основанная на бизнесе финансовых спекулянтов, грозит поглотить все плоды научно-технического прогресса, реализованные в продуктивной экономике. Ее демонстративно высокая прибыльность грозит отвлечь от продуктивных видов деятельности наиболее мобильные элементы современного социума, не желающие проигрывать.

Возврат к продуктивному принципу в экономике не может не сопровождаться решительным противостоянием нынешнему виртуальному сетевому комплексу во всех его составляющих, основываясь на укреплении экономики национальных государств за счет протекционистской защиты национальной промышленности. При этом важно возвращение к территориальному принципу организации общества, в котором привязка к территории становится источником возрождения гражданской ответственности.

Что же касается социального и духовного производства, непосредственно обращенных к человеку, то они в принципе могут полноценно развиваться только как взаимосвязанный комплекс. Если информационное общество преимущественно ориентировано на человеческий, социальный капитал, то становится ясной незаменимая роль территориальных связей как способов concentra-

ции этого капитала. Социальная и культурная инфраструктура не могут быть сугубо отраслевыми, они обращены к человеку как таковому, во всем многообразии его общественных свойств и отношений.

Территориальный принцип организации, восстанавливающий социальную целостность на место нынешних отраслевых конгломератов, сможет качественно повысить способность нашей цивилизации аккумулировать новые типы знаний. Территориальные факторы концентрации социального капитала (вместо его отраслевого дробления) сегодня являются предпосылкой подъема гражданского общества в специфическом значении его как самостоятельного гражданского полиса.

Важным является также умение противопоставить глобальным организациям капитала глобальную организацию труда, глобальной исполнительной власти, воплощаемой однополярным господством, - глобальную "законодательную власть", объединяющую политически не защищенное большинство, относящееся к странам мировой периферии.

Вместе с тем экономические проблемы современной эпохи невозможно решить без

духовного возрождения нации, без того, что составляет базисные ценности народа, проверенные тысячелетиями, отклонение от которых грозит более серьезными последствиями, связанными с исчезновением цивилизации. Для этого человечеству крайне необходимо возрождение духовности как противовес идеологии, ориентирующей на инстинкты и материальный успех.

Вероятнее всего такое возрождение начнется в регионах, являющихся изгоями новейшего мирового порядка, но сохранивших веру и силу духа, которая намного сильнее финансов и материальных ценностей.

Список литературы

1. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: The Rise of the Network Society. Malden (Ma.); Oxford: Blackwell Publ., 1996.

2. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: The Power of Identity. Malden (Ma.); Oxford: Blackwell Publ., 1997.

3. Castells M. The Information Age: Economy, Society and Culture: End of Millenium. Malden (Ma.); Oxford: Blackwell Publ., 1998.

PROSPECTS OF NETWORK ECONOMY DEVELOPMENT IN TODAY'S MACROECONOMIC SYSTEMS

© 2005 I. K. Kharramov

Russian Academy of Public Service Supervised by the President of Russia, Moscow

The paper analyses the prospects of network economy development during the transition to a new form of economic activity based on a global electronic medium created by information society, with knowledge and information prevailing as the most important elements of productive forces.

ВЕСТНИК
САМАРСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО
АЭРОКОСМИЧЕСКОГО УНИВЕРСИТЕТА
имени академика С. П. КОРОЛЕВА

№ 2 (8)

2005

Корректор **Карпова Л. М.**
Компьютерная верстка **Коломиец В. В.**
Переводчик **Безрукова Е. И.**
Технолог **Прилепский И. В.**

Формат 60×84 1/8. Бумага офсетная. Печать офсетная.
Тираж 200. Заказ 23.

Отпечатано в отделе интеллектуальной собственности и информационного обеспечения
Самарского государственного аэрокосмического университета
443086 Самара, Московское шоссе, 34

